

О категории определенности в болгарском языке (по поводу книги Ольги Младеновой*)

Андрей Н. Соболев (С.-Петербург – Вена)

Новая книга Ольги Максимовой Младеновой, известного болгарского специалиста в области болгарского и балканского языкознания¹, ныне активно и плодотворно работающего в Канаде, посвящена значениям (содержанию) и способам выражения такой инновационной для болгарского языка категории, как определенность². Поскольку тема книги – один из сложнейших и активно дискутируемых вопросов нашей дисциплины, постольку кажется необходимым максимально подробно познакомить заинтересованную публику с ее содержанием. Труд состоит из 11 пронумерованных сквозным образом разделов и содержит – Список использованных сокращений, Список таблиц (54 единицы), Список схем и рисунков (7 единиц), Главу 1 «Введение» (с. 1–8), Главу 2 «Определенность: способы выражения и содержание» (с. 9–92), Главу 3 «Диакроническая модель определенности» (с. 93–246), Главу 4 «Языковое варьирование и текстология» (с. 247–296), Главу 5 «Определенность в диалектах» (с. 297–343), Главу 6 «Болгарская определенность в балканском контексте» (с. 344–367), Главу 7 «Заключительные замечания» (с. 368–369), Карты (с. 370–436), Заметку о языковом материале (с. 437), Библиографию (с. 438–462, не менее 280 единиц), Указатель (с. 363–472). В книге сквозная нумерация фразовых примеров, всего их более 640; они даны в латинице и снабжены подстрочным английским переводом с элементами глоссирования.

Введение в книгу под названием «Определенность в болгарском языке. Моделирование процессов языкового изменения» открывается следующими интригующими балканистами с XVIII века вопросами:

“There is a group of speakers of a language A with no articles and a subgroup of it, which is bilingual in languages A and B, the latter having articles. Can speakers of A be moved to introduce into their language functional counterparts to B’s articles? If so, how would it happen? What would the consecutive steps be? What factors would play a role?” (p. 1).

Оптимистически настроенный квалифицированный читатель, не считающий “goal-oriented questions” или их “causal” парафразы пустым риторическим

* Olga M. MLADENOVA: *Definiteness in Bulgarian. Modelling the Processes of Language Change* (= Trends in linguistics. Studies and monographs; 182). Mouton de Gruyter: Berlin, New York 2007. xii, 472 p. ISBN 978-3-11-019557-6, ISSN 1861-4302.

¹ См., например, предыдущую монографию автора Olga MLADENOVA: *Grapes and Wine in the Balkans. An Ethno-Linguistic Study* (= Balkanologische Veröffentlichungen, Bd. 32). Wiesbaden: Harrassowitz 1998, 858 S. и нашу рецензию на нее в *Zeitschrift für Balkanologie* 37 (2001) 1. S. 110–114.

² Под определенностью понимается как определенность в прямом смысле, так и неопределенность (с. 2).

приемом и полагающий себя вправе ожидать или позитивных ответов, или как минимум демонстрации попыток автора найти таковые ответы, будет наказан за свое нетерпение эти самые ответы узнать, если поспешит заглянуть на страницу 347 и прочтет полные пессимизма следующие строки автора:

“What was the mechanism through which bilingual speakers of Slavic and Romance introduced in their Slavic speech the article known to them from Romance? I am at a loss to answer that question. It is well known how bilingualism leads to lexical borrowing, calquing and simplification of grammatical constructions that have no counterpart in the other language. But here apparently the interaction must have had more serious outcomes. It is not coincidental that the balkanological literature abounds in studies of matching aspects of definiteness and revels in describing parallel structures in unrelated Balkan languages but there are few attempts to explain step by step how two languages A and B, the former of which initially had overt definiteness, whereas the latter did not, through convergent development ended both featuring overt definiteness. Until such detailed studies are made available, all talk about the rise of overt definiteness under external influence remains just that – talk” (p. 347).

Видимо, нам будет предложено – хотя бы до поры до времени, до получения необходимых доказательств – отказаться от идеи контактно индуцированного возникновения категории определенности в болгарском языке и, видимо, в качестве единственно научного объяснения автор будет рекомендовать использовать объяснение автохтонистское. Ну что ж, схожие настроения, как известно, господствовали в болгарской «национальной филологии» первой половины XX в., в лице Л. Милетича и Ст. Младенова усиленно боровшейся против «балканского языкознания» и искавшей внутриболгарские ресурсы для объяснения самых экзотических и «неславянских» особенностей болгарского языка, так почему бы им не возродиться и в XXI веке³? Пока для нас важнее тот факт, что книга явно не о том, о чем говорится в завязке интриги, о которой, однако, пережив столь глубокое разочарование, мы не вправе просто забыть.

Итак, автор полагает, что существуют типологически общерелевантные принципы, управляющие процессом обретения языком категории определенности, и что существует «болгарский сценарий» этого процесса, как раз и описываемый в книге и «проливающий свет на один из ключевых вопросов

³ Как кажется все же, по крайней мере в болгарском языкознании персонифицированная борьба «автохтонистов» с «балканистами» сменилась в настоящее время конкуренцией объяснительных моделей, интегрирующих и сравнительно-исторический опыт славистики, и ареально-типологические достижения балканистики. Ср., с одной стороны, более чем показательные взаимоисключающие высказывания историков болгарского языка Ст. Младенова 1929 г. (в переводе на болгарский) «Никой изследвач на езика днес не би трябвало вече да говори за чуждо потекло на тая езикова свойщина: задпоставеният член е също добре познат на северно(велико)руските говори» и К. Мирчева 1958 г. «Нито един език от славянското семейство (за исключением болгарского – А.С.) не притежава членна форма». Ср., с другой стороны, новейшие попытки болгарских балканистов В. Алексовой и П. Асеновой на страницах *Zeitschrift für Balkanologie* (2008 г.) доказать «славянскость» такого экзотизма в македонских диалектах, как выражение прямого объекта предложной *на*-конструкцией, подобно тому, как это имеет место в (балкано)романском.

балканского языкознания с его фокусом на конвергентном развитии языков восточной части Балканского полуострова» (с. 1). Значение предпринимаемого исследования должен увеличивать тот факт, что болгары расценивают «свой» артикль наряду с кириллической письменностью в качестве сердцевины «национальной самоидентификации», хотя на вкус других славян это “most Bulgarian” явление может выглядеть и «уродством» (с. 1–2). Литература вопроса огромна, в книге она ограничена литературой, релевантной для болгарского языка (с. 2). Цель труда – единообразное рассмотрение эволюции определенности в современном болгарском языке с учетом варьирования структуры именных групп и с учетом всех вариантов реализации определенности в тексте (с. 2). В работе осуществлена атрибуция всех известных автору именных групп к какой-либо категории определенности (с. 2), а общая теория определенности поставлена в зависимость от эмпирических наблюдений (с. 3).

В теории, по мнению автора, борются два полярных подхода к ядерному значению категории определенности – восходящий к Аполлонию Дисколу и основанный на идентифицируемости (“*identifiability*”; маркер именной группы предупреждает слушателя, что он сможет идентифицировать референт на некотором количестве оснований) и восходящий к И. И. Ревзину и основанный на инклюзивности (“*inclusiveness*”; маркирование указывает на референциальность некоторого набора, удовлетворяющего описанию); есть и близкие автору попытки примирить обе концепции (с. 3)⁴. Можно, например, объявить определенность как семантическое или прагматическое явление (у О. М. – «понятие»), основывающееся на “*identifiability*”, лингвистической универсалией; а когда определенность грамматикализуется, то «она может развить дальнейшие значения, такие как инклюзивность, генеричность, специфичность и т.д.» (с. 4).

Забегая вперед, автор сообщает нам следующий результат своего исследования:

“My research demonstrates not only the mechanisms by which the Bulgarian definite article, having originated from a demonstrative pronoun, expands from an *identifiability* marker to an *inclusiveness* marker and from there to a *genericity* marker, but also links beyond any doubt this evolution to the earlier inflectional marking of definiteness on adjectives, preserved to various degrees as a relic in the contemporary Slavic languages” (с. 4).

Более того, следует задаваться не вопросом, каким образом болгарский язык приобрел такую «неславянскую черту», как определенный артикль, а вопросом “Why the Slavic languages divided in choosing two alternative scenarios: eliminating the grammatical category of definiteness in the majority of Slavic languages while preserving and re-building it in the Balkan area” (с. 4). Тезис об утрате грамматической категории определенности, например, русским языком по смелости своей для рецензента сопоставим лишь с учением советского акад. Н. С.

⁴ В самом общем плане рецензент полагает нужным заметить, что подбор более или менее удачных метафор, долженствующих «схватить» языковое явление, не является основным содержанием теоретической лингвистической работы.

Державина об архаичности аналитизма имени в болгарском языке и о чуть ли не автохтонности болгарских славян на Балканском полуострове; будем надеяться, что этот тезис будет О. Младеновой не только выдвинут, но еще и дальнейшим изложением доказан.

Однако и в понимании Младеновой определенность в современных болгарском и македонском языках – это все же нечто большее, чем общеславянский «семантический и прагматический концепт», это – «полноценная грамматическая категория с энклитическим определенным артиклем, инновацией, возникшей около XII в. или ранее, и с намного более поздним свободным неопределенным артиклем, который находится все еще в эмбриональном состоянии» (с. 4).

Консервативность литературной традиции у болгар заставляет при диахроническом изучении этого языка обращаться не к древнейшим, а «к первым текстам, написанным на современном болгарском языке, появляющимся не ранее XVII в.», а именно к известным дамаскинам вроде Тихонравовского, точнее, к тем текстам и к тем частям (поучительным словам, гомилиям) последних, которые написаны не на старом литературном среднеболгарском языке, а именно на новоболгарском (с. 5–6). Последние были в свою очередь известным советским болгаристом Е. И. Деминой, глубоко изучившей Тихонравовский дамаскин, разделены по лексической изоглоссе на секцию *togazi* «тогда» и секцию *togiva* «тогда». Обе новоболгарские секции дамаскинов демонстрируют использование артиклей в меньшем числе случаев, чем ожидалось бы современной нормой (от 29,59% случаев до 50,31%), что отражено в Таблице 1 (с. 7). Первая секция была избрана О. Младеновой для анализа в центральной части ее книги (с. 7).

Помимо изданного и изученного Е. И. Деминой Тихонравовского дамаскина, в исследовании эволюции определенности в болгарской диасистеме использованы материалы и карты из личного архива выдающегося болгарского диалектолога М. Сл. Младенова (с. 7).

В конце Введения автор объявляет о цели своей работы, которая состоит, как оказывается, отнюдь не в ответе на вынесенные в начало вопросы, а в следующем:

“My goal is to show what variables have influenced the expansion of the article during the time that has elapsed since the seventeenth century, formulate the rules that governed the use of the article and other markers of definiteness in the seventeenth century in comparison with the contemporary norm and construct a model of transition from the older system to the modern one” (с. 7).

Говоря о главах второй и третьей, О. Младенова заранее признает относительность своих диахронических построений, которые могут быть существенно видоизменены, если привлечь новые исторические и диалектные источники; но главы четвертая и пятая, в которых такие новые источники привлечены, показывают, что новые данные могут лишь детализировать концепцию автора «но не изменить ее», лишь пролить свет на большую хронологическую глубину и продемонстрировать балканские импликации (с. 8).

Глава вторая начинается с презентации «авторской модели» определенности, в отличие от предшествующих якобы не смешивающей выражение и содержание; итак, противопоставлены «выражение» (именная структура) и «содержание» (прагматический, семантический, лексико-морфологический, синтаксический уровни) (с. 9). Изложение теории во многом опирается на болгарскую академическую традицию и полемизирует с ней; в итоге мы имеем дело, как кажется, с некоторым подновлением учения, изложенного в академической грамматике болгарского языка 1980-х гг. В целом очень высоко оценивая теоретический уровень исследования, рецензент не может согласиться с автором ни в общей несколько пренебрежительной оценке предшествующих «моделей», ни в оценке модели «авторской» как «не смешивающей уровней», что очевидно в некоторых частностях, например, в случае более чем поверхностного отнесения синтаксического уровня в «модели» исключительно к «содержанию». Достаточно поспешить заглянуть в соответствующий раздел главы 2.2.4. «Синтаксический уровень» (с. 65), чтобы удостовериться в очевидном – он открывается констатацией о плане выражения “Nominals can function in the sentence in a number of syntactic positions, presented schematically in Table 16” (в самой таблице «Классификация именных групп по синтаксическим позициям» мы имеем дело с «аргументами, субъектом и объектом», предикативной именной группой и с адвербиальной именной группой). О плане содержания находим, что «также релевантны» для автора «семантические отношения» глаголов с их аргументами и, наконец, что некоторые модели удвоения клитик легче «схватить» в терминах оппозиции агенс-пациенс-экспериенцер, чем субъект и объект (с. 66). Аналогичным образом не относится лишь к «содержанию» и лексико-морфологический уровень: как известно, в грамматике работают и (часто лексикализованные) чисто формальные морфонологические и морфологические механизмы, не имеющие содержательной стороны.

Есть всеобщий консенсус относительно понимания того, что «выразителем определенности является именная группа» (с. 9), а в современном болгарском литературном языке автор (на основании способа модификации вершины (атрибут, аппозиция, предложное сочетание, относительное или придаточное предложение, наречие), характеристик самой вершины (существительное или местоимение) и порядка слов) устанавливает одиннадцать «типов именных групп», в двух форматах – маркированном и немаркированном (с. 9). Они представлены схематически и проиллюстрированы примерами от № 1 до № 101 на с. 11–33. Перечислим болгарские именные группы, сохраняя терминологию О. Младеновой: (0) ИГ с местоименной вершиной; (1) базовые ИГ; (2) существительные с краткой формой посессива; (3) существительные в аппозиции; (4) существительные с предшествующими прилагательными; (5) существительные с последующими прилагательными; (6) существительные с квантификаторами; (7) субстантивированные прилагательные; (8) существительные с предложными конструкциями; (9) существительные с придаточными предложениями; (10) существительные с наречиями. Группы снабжены кодами типа 0U, 0M1-1 ... 10M2, т.е. немаркированные способы выражения противопоставлены маркированным. Список, по мнению автора, претендует на исчерпывающий характер (но, видимо, лишь для литературного языка, поскольку в

нем не обнаруживаются известных диалектных конструкций типа *Sled službata voennata postúpix na služba*⁵, ср. родопские примеры: *n'ašətə st'arətə b'abə, dr'ugitə bratufč'edətə, na ldn'onu s'elunu* (Соболев 2001: 99); двойное маркирование определенности в именной группе будет рассмотрено автором в разделах 2.1.2 и 4.2.2).

Для иллюстрации приведем пару примеров Младеновой со стр. 14, 21 и 22:

- OM5-2 (*tija idiotite*)
 (20) *Tija idiotite ošte čakat otgovor.*
 these idiots.THE still wait.3PL answer
 'Silly them, they are still waiting for an answer'
 2U1 (*žena mi*)⁶
 (53) *žena mi*
 wife me.DAT
 'my wife'
 2M1 (*sina im*)
 (55) *sina im*
 son.MASC.THE them.CL.DAT
 'their son'

Раздел 2.1.1. (с. 33–42) посвящен противопоставлению субстантивной и прономинальной вершин и в теоретической части опирается на мнения Р. Ницоловой, П. Постала, К. Лайонза. «Личные местоимения, становой хребет типа 0, отличны от именных типов 1–10 отсутствием дескриптивного содержания, что ограничивает их использование случаями, в которых их референтность разъясняется лингвистическим или экстралингвистическим контекстом» (с. 33), им свойственны три особенности: «(а) ингерентная определенность; (б) дополнительная дистрибуция с указательными местоимениями в третьем лице; и, наконец, (в) этимологическая связь между личными местоимениями третьего лица, указательными местоимениями и определенными артиклями в генетически не родственных языках по всему миру» (с. 33–34).

Далее автор стремится на болгарском материале подтвердить истинность тезиса К. Лайонза о грамматическом категориальном единстве личных местоимений, определенного артикля и немаркированных по признаку близости указательных местоимений. Например, местоимения первого и второго лица равноупотребимы как в анафорических, так и в неанафорических контекстах, «в то время как в третьем лице личные и указательные местоимения функционируют в дополнительной дистрибуции: первые в анафорических, вторые в неанафорических контекстах» (с. 36); ср. рус. *Я вспомнил о той, которую любил* и *Я вспомнил о ней, которую любил*. Далее автор утверждает, что указательные местоимения в неанафорических контекстах типа (19) *Viž ja tazi kakvo kuče ima* и (110) *Tozi e kato novu iovi* «выражают непосредственную

⁵ По техническим причинам в рецензии используются знаки $\hat{u}$ и $\hat{i}$.

⁶ Сноска автора: «Этот тип встречается только с ограниченным числом вершин». Указаний на аналогичные ограничения, например, в типе 0 нет.

реакцию говорящего на происходящее». Еще одним контекстом, где «указательное местоимение в неанафорической позиции» (так!) как минимум нежелательно, автор объявляет *sam toj* и *samijat toj* (с. 37). Итак, если следовать букве изложения, то личные и указательные местоимения формируют в болгарском литературном языке единый частеречный подкласс с единой супплетивной парадигмой, формы в которой противопоставлены по признаку анафоричности (вроде болг. анафор. *tja*, неанафор. *tazi*); при этом категория одушевленности/личности здесь не релевантна.

Однако далее (с. 39) выясняется, что дело обстоит гораздо сложнее – личные местоимения третьего лица не употребляются в анафорических контекстах “identity of sense”, но употребляются в неанафорических действительных контекстах при указании на неличный (“non-human”) референт, а о неанафорических контекстах, указывающих на лицо, нам сообщают, что в них возможны как личные (в нейтральных сообщениях), так и указательные местоимения (если говорящий преследует цель придать сообщению оскорбительную коннотацию):

(106) *Toja za kakŭv se misli?*

(107) *Toj za kakŭv se misli?*

Далее приводятся известные болгарские диалектные данные, свидетельствующие о проникновении форм указательных местоимений в парадигмы местоимений личных, а также об использовании личных местоимений в качестве указательных (с. 39–40); сведений о текстовой дистрибуции этих форм в диалектах нет, анализ этих данных в рамках предлагаемой общей теории, к сожалению, не производится. Неясно, идентичен ли инвентарь изучаемых конструкций в стандарте и по диалектам и какие из указанных противопоставлений и ограничений (анафоричность, коннотативная маркированность, маркированность по указанию на близость) релевантны только для литературного болгарского языка, а какие также и для некодифицированных форм, ср. родопские примеры типа *kag zov'ot as'aie? as'eie kŭkv'o pr'avet at'uf? 'ima i at'uka k'ŭŭta, p'itaj gi t'eie nlag'ora!* (Соболев 2001: 88).

Заметим отдельно, что для таких стандартных балканских языков, как албанский, македонский, арумьнский и греческий и их диалектов, а также для болгарских диалектов не только доказательство дополнительного характера дистрибуции личных и указательных местоимений третьего лица, но и само субкатегориальное различие соответствующих омонимичных форм и их употреблений, представляет собой отдельную серьезную проблему, отличную от положения дел в болгарском литературном языке и заслуживающую дополнительного исследования.

Отличия конструкций с местоименной вершиной от иных состоят в том, что первые всегда определены (вторые могут быть как определенными, так и неопределенными), не имеют дескриптивного содержания, иначе относятся к грамматической категории лица (с. 40). В рассуждениях о последней, к сожалению, не находим эксплицитного анализа случаев вроде *i ŝ'enətə ur'exmə kv'otu mlž'e* (Соболев 2001: 88), хотя они подкрепили бы позицию автора в дискуссии

с Лайонзом по поводу омонимичности/неомонимичности «личных детерминаторов» и «личных местоимений» (с. 41).

Среди «аномальных» именных групп (раздел 2.1.2, с. 42–48), т.е. таких, которые встречаются в Тихонравовском дамаскине, не в литературном языке, рассмотрены две – сочинительные конструкции (*obrazo i snagata*) и двойное маркирование определенности в пределах одной именной группы с субстантивной вершиной, не свойственное болгарскому литературному языку (с. 45). Приводя балканские примеры «маркирования определенности одновременно демонстративом и определенным артиклем», вслед за П. Асеновой автор несколько прямолинейно уравнивает между собой ни структурно, ни функционально не идентичные конструкции вроде греческих *η μέρα η καλή*⁷ и вроде албанских *tregu i mbuluar* (ср. *djali i math, djali besnik*), причем трактует прелозитивный артикль албанского прилагательного/причастия как «детерминатив» (с. 47). К сожалению, об этом интереснейшем, но давно известном явлении находим лишь (относительно полные) сведения о его географическом распространении в болгарских диалектах и замечание о том, что «от будущего исследования можно ждать многообещающих результатов» (с. 46, сноска 31 и с. 47); и в этом случае была бы желательна теоретическая дискуссия. Несколько строк уделено конкуренции болгарских посессивных моделей *babinata Penina kûšta* и *baba Peninata kûšta*, вероятно, разного регионального происхождения (с. 47–48).

Раздел 2.2. «Содержание» (с. 49–79), как уже говорилось, посвящен прагматическому, семантическому, лексико-морфологическому и синтаксическому уровням (на с. 49 узнаем, что порядок их следования отражает их иерархию) и открывается беглым обзором англо-, русско- и болгароязычной теоретической литературы вопроса (с. 48–49). Упоминаются такие метафоры научного описания категории определенности, как, например, «тривиальная и нетривиальная индивидуализация», «постоянное и вариативное денотативное пространство», «конкретная и обобщенная референция» (А. Д. Шмелев), «идентифицируемость», «тотальность», «референциальность», «сигнификативность» (В. Станков), «генеричность», «неопределенность», «дефинитность», «адефинитность» (М. Лакова) и мн.др. Сам автор склоняется к используемой в компьютерной лингвистике модели Корбетта-Фрезера «прочтения по определению» (с. 48–49).

К прагматическому уровню, согласно Младеновой, относится тема-рематическое членение высказывания, а маркированные артиклем имена – знак дискурсивно известного (*Vnimavaj! Dupkata!*), немаркированные – знак дискурсивной новости (*Vnimavaj! Dupka!*) (с. 49); далее обсуждается механизм анафоры и ее средства (с. 49–50), топик и фокус, выражаемые, в том числе и механизмами местоименных удвоений местоименных же объектов (антиципации, репризы), формирующими «коммуникативную парадигму» (с. 52). Претендующий на исчерпательность список примеров отражает лишь ситуацию в болгарском литературном языке, не учитывая возможности, например, ини-

⁷ В тексте Младеновой – *καλή*.

циального положения клитик в диалектах, о которых снова находим замечание в сноске «вариативность ... еще не изучена глубоко». Далее автор несколько прямолинейно увязывает объектные удвоения с тем фактом, что болгарский не является языком *pro dgor* (с. 52). При обсуждении коммуникативно сегментированных предложений более чем бегло упоминается взаимодействие таких факторов редупликации, как порядок слов, интонация и морфологически полные/краткие формы (с. 53), а в конце раздела – различия в поведении именных групп с местоименной вершиной (для них нерелевантна оппозиция фокус/топик) и таковых с вершиной субстантивной (с. 54).

Семантический уровень затрагивает, по Младеновой, «ступенчатую классификацию референтов, денотаций и свойств, к которым именные группы относятся или которые они обозначают»; родовой метафорой здесь избрана «дескрипция», а таксономия выглядит следующим образом – генерический/негенерический, в пределах второго члена специфический/неспецифический, в пределах первого члена определенный/неопределенный (с. 55) ... Определенные «дескрипции» относятся к уникальным референтам или к релевантным членам группы ... Генерические «дефиниции» являются типизирующими или квантитативными ... В нарушение таксономии между специфической и генерической постулируется еще одна «категория» ... и т.д. и т.п., вплоть до красноречивого признания «Category boundaries are fuzzy» (с. 56). В итоге нам предлагают в дальнейшем работать со следующими семантическими категориями – количественная генерическая, специфическая определенная, уникальные референты, специфическая неопределенная, неспецифическая, типизирующая генерическая; некоторые из подкатегорий объявляются особо релевантными для понимания диахронических процессов формирования определенности в болгарском языке.

Устанавливается корреляция между данными категориями дескрипций и так называемыми «типами текстовых регистров», монологическими (графический, информационный и гномический) и диалогическими (индуктивный и реактивный). Для графического регистра (его можно репрезентировать наречием *vednúž* «однажды»), используемого для репортажных сообщений о событиях, непосредственно воспринимаемых говорящим посредством органов чувств, наиболее важна оппозиция определенный/неопределенный. В информационном регистре (*mnogokratno*) сообщается о габитуальных не локализуемых в одной точке во времени положениях вещей, известных из опыта или в результате логических умозаключений. Гномический регистр репрезентирует наречие *vúobšte* «вообще». Отдельные виды «дескрипций» являются типичными для видов регистров (с. 56–59), но возможны и в регистрах, нетипичных для них.

Для всех трех монологических регистров характерен уникальный тип «дескрипции»: *V dalečinata sineeše Dunavút. Kogato zimata e studena, Dunavút zamrúžva. Dunavút se vлива v Černo more.* Для гномического регистра характерны генерический типизирующий (*Kravata e bozajnik*) и генерический квантитативный вид «дескрипции» (*Prez zimata mečkite spjat*). Для информационного регистра характерны определенный квантитативный (*Tja ne izliza sutrin predi da si izpie mljakoto*) и неспецифический вид «дескрипции» (*Otvreme*

navreme minavaха koli). Для графического регистра характерны определенный индивидуализирующий (*Kipixte li podarùk za deteto?*) и неопределенный вид «дескрипции» (*Na prozoreca se pokaza dete*).

В процессе непосредственной коммуникации имеет место дейктическая определенность, соотносимая с анафорической определенностью в письменном тексте. Кроме того, важны инференции, опирающиеся на фоновые знания, ситуационные или обусловленные культурой (с. 60–61). При обсуждении примеров кажущихся конфликтов между типами определенности следовало бы не просто оперировать «известностью в универсуме дискурса», но ввести и дополнительные различия, например «известное всем участникам речевого акта или только говорящему» и др.

На лексико-морфологическом уровне (с. 65) релевантны оппозиции по отнесенности к частям речи, по числу, роду, одушевленности, исчисляемости, абстрактности, а также принадлежность к лексико-семантическим группам (термины родства, названия частей тела, названия людей по месту жительства и др.). Повторю свое критическое замечание о том, что этот уровень очевидно не одно-, а двупланов, и относится и к содержанию, и к выражению.

Синтаксическому уровню, также дву-, а не одноплановому, посвящены с. 65–79. Его обсуждение содержит, как уже говорилось, представление некоторых собственно формальных или формально-семантических аспектов дела или даже «искусственных правил письменной нормы» (назывные предложения, вокатив, полная форма прилагательного, разные виды обращения, формы артикля у существительных м.р., обсуждение функционирования существительного *Vog* и омофонии артикля ед.ч. м.р. и флексии аккузатива ед.ч. м.р., формальные ограничения на употребление местоименных форм и др.). Здесь встречаем интересные частности – например, утверждение о том, что некоторые местоименные именные группы “present themselves as verbal personal endings” (с. 78), обещание рассмотреть диалектные конструкции *Tja ì se spi* в дальнейшем (с. 79), утверждение о том, что экспансия определенного артикля в болгарском языке «следовала логическим путем от одного типа дескрипций к другому. Внутри категорий определенный артикль распространялся от одного класса слов к другому и от одной синтаксической позиции к другой» (с. 79).

К сожалению, поскольку не продемонстрирована специфика именно болгарской категории определенности на фоне других языков мира, такой категорией обладающих (хотя бы хорошо известных западноевропейских), постольку читателю остается неизвестным, насколько релевантны выдвинутые определения и классификации в общетипологическом смысле⁸.

Завершающая часть главы (с. 80–92) посвящена взаимодействию выражения и содержания категории определенности. После рассуждения об икони-

⁸ Иногда в тексте книги находим «объяснения» употребления артикля, хотя и соотносящиеся с предложенными в теоретической части классификациями, но фактически восходящими к традиционной академической грамматике болгарского языка (как на с. 147, где *причиной* определенности существительного объявлено то, что оно «есть объект глагола совершенного вида», который обозначает действие, «затрагивающее объект целиком»).

ческих, индексных и конвенциональных знаках выдвигается тезис о членности именных групп на два типа знаков определенности – универсальные (типы *stol* и *stolút*) и специализированные (типа *sina im*). В главе рассматриваются, однако, такие именные группы, оформление которых определенным артиклем зависит от аппозитивного или рестриктивного прочтения составляющих, характеризующих вершину (*Ivančo Jotata, planinata Švarcvald*); различие между ними в том, что «упрощение именных групп с аппозитивным прочтением не мешает слушающему идентифицировать референт в контексте». Однако случаи типа *ostrovvrúxata kambanarija* и *voennoto izkustvo* требуют более подробного анализа, включавшего бы в себя как информацию о конкретных и абстрактных лексических значениях существительных, качественных и относительных прилагательных, так и сведения о «типичной для носителя языка картине мира». Оппозицию аппозитивного и рестриктивного прочтения автор видит и в случаях противопоставления личных и указательных местоимений (тип *ti, kojto vinagi si go zaštitaval* и тип *taja, deto nikoga ne pozdravjava*); таким образом, к традиционным метафорам «дейксис», «персональность» и к уже введенной ранее в книге метафоре «анафорический контекст», добавляются две новые.

В плане истории формирования категории определенности важны следующие теоретические ожидания Младеновой: “Nominals with a restrictive reading are ... unambiguously definite for reasons made clear with lexical means. This can provoke two alternative evolutions: on the one hand, they can remain longer without a formal marker of definiteness, on the other, their obviously definite character can make them lead the way to innovation and be among the first types to acquire a definite article” (с. 86). Ясно, что в первом случае мы имели бы дело с подтверждением принципа языковой экономии, а во втором – принципа редундантного маркирования, одинаково присутствующих в системной организации всех балканских, а значит и болгарского, языков.

Примеры из болгарского литературного языка показывают, однако, что использование противопоставления рестриктивных и аппозитивных прочтений позволяет предсказывать употребление артикля лишь в специфической «дескрипции» (*Tja beše oblečena v bjatala ~ bjala roklja*)⁹, не помогая в случае дескрипции генерической или неспецифической (с. 86–88). То же и в случае с полными притяжательными местоимениями (с. 88–89).

Без какого-либо разъяснения на с. 89 в книге вводится понятие «атрибутивная функция артикля» и «атрибутивная определенность». Отсутствие определения, к сожалению, не позволяет читателю быстро самостоятельно разобраться с комбинациями анафорической, экзофорической и атрибутивной определенности.

⁹ Во-первых, повторим, что не видим оснований для названия второго прочтения аппозитивным. Во-вторых, заметим, что русский перевод (*Ona byla v belom plat'e*) лишь будучи вырванным из контекста выглядит на письме как двусмысленный; в полном контексте двусмысленности нет, а в устной речи двусмысленность снимается посредством интонационного оформления тема-рематических ролей.

Двойное маркирование определенности в дамаскине, разговорном языке и некоторых диалектах может, по мнению, Младеновой объясняться «двойной функцией», например «анафорической и атрибутивной» или «анафорической и определенной квантитативной», хотя и не во всех случаях. Явление заслуживает дальнейшего изучения (с. 91), как и в других случаях, когда болгарские диалектные данные выбиваются из теоретически предсказуемого.

То же касается и удвоения определенных именных групп местоименными клитиками, которое объявляется своего рода специализированным, неуниверсальным «двойным маркированием» определенности, которые не превалировали над «универсальными» в истории болгарского языка (с. 92).

Первое обращение к диалектным данным из говора Ново Село, которому суждено будет в дальнейшем занять важное место в диахронической модели, показывает, что он фундаментально отличен от представителей болгарской языковой (диа)системы – говор «не маркирует определенность на существительном, но использует клитическое удвоение»: *Seno ga dokûramo joštû iĉer* (с. 91, сноска 49). Но к вопросу об этом говоре мы вернемся еще позже.

Глава третья, центральная по содержанию и наиболее объемная глава книги, открывается авторским предложением эволюционной «модели, которая связывает язык дамаскинов/дамаскина семнадцатого века с современным стандартным болгарским языком через серию процессов, находящихся в хронологических отношениях последовательности. Первые три процесса освещают (flesh out) категорию определенности на основе идентифицируемости. Процессы 4 и 5 отмечают экспансию определенных артиклей в направлении инклюзивности и их проникновение в сферу генерического. Процесс 6 несет продвижение в противоположном направлении: к уникальным референтам. Процессы 7 и 8 имеют дело с феноменами неопределенности и, в частности, с разграничением неопределенности от неспецифичности в сфере генерического. Финальным следствием этих последних процессов является демаркация типизирующей генеричности» (с. 93).

Автор различает три стадии развития любого языкового изменения в четырех фазах: (I) медленное начало, (II–III) быстрая экспансия (в ранней и в поздней стадии) и (IV) медленное угасание. Для фаз II–III характерна свободная вариативность изменяющегося феномена, к концу стадии говорящие начинают предпочитать новую из двух альтернатив; изменений на стадиях I и IV говорящие не осознают (с. 93). Интересно обращение статистических показателей в диахронию – относительно высокая частотность случаев совпадения узуса дамаскина и современной нормы в одних употреблениях, и относительно низкая в других говорит в пользу более ранней грамматикализации первых. Неясным, к сожалению, остается точный механизм определения фаз по числу процентов (но на с. 130–131 узнаем, что 42,5% совпадений данных дамаскина с современной нормой свидетельствуют о вступлении процесса в фазу II, 59,92% или 58,57% в фазу III, а практически 100% в фазу IV)¹⁰. Странно, однако,

¹⁰ Насколько относительные результаты дает, все же, эта методика, показывает пример обсуждаемых ниже «процессов 4 и 5», где данные дамаскина иногда на 100% совпадают с

видеть признаки «замедления» процесса формирования категории определенности на примере типа *sina im*, который, как показывают данные автора, вариативен на протяжении всей известной истории болгарского языка, а также территориально.

Некоторые сценарии языкового развития не реализуются до конца, а примером, по мнению Младеновой, могут служить «севернорусские рефлекссы праславянского указательного местоимения *tъ, которые, как кажется, особенно около XVII века, развивались в том же направлении, что и их болгарские соответствия» (с. 94). Итак, мы укрепились в убеждении, что в рецензируемой монографии имеем дело с прямым возрождением автохтонистской идеи, зародившейся еще в XIX и обычно связываемой в болгаристике с именем Л. Милетича (но, странным образом, в списке литературы мы не находим указания на соответствующий широкоизвестный первоисточник «Членът в руски и български език» в СбНУ за 1901 г.; не вынесена фамилия Милетича и в указатель на с. 468).

В качестве «процесса 1» (с. 94–99) предлагается рассматривать употребление определенного артикля в анафорической функции. Тотальное обследование четырех гомилий дамаскина показало, что имеющиеся в них случаи выражения «анафорической определенности» указательным местоимением и определенным артиклем «воспринимаются как грамматически правильные из перспективы стандартного болгарского языка»; аграмматичны 6,84% случаев с нулевым маркированием (с. 97). Таким образом, контексты анафорической определенности¹¹ – это не та сфера, из-за которой создается впечатление «нехватки» артиклей в дамаскине (с. 97); это именно та сфера, в которой и зарождается определенный артикль (с. 98). Вслед за А. Минчевой не соглашаясь с доказанным Й. Курцем фактом отсутствия полноценного определенного артикля в старославянском (древнеболгарском) языке до XI века, Младенова полагает «фазу I процесса 1» в период между девятым и одиннадцатым веком, «в который нет данных об ином использовании определенного артикля кроме анафорического». «Существительные в определенной форме появились как фонетические формы» до десятого века. Таким образом, артикль, хотя бы и только анафорический, в старославянском был, а к XII в. артикль «обрел свет использования в других окружениях» (с. 98)¹². Подразделы посвящены противопоставлению анафорического артикля анафорическому местоимению (с. 99–106)¹³ и эксплицитному выражению анафорической определенности (с.

современной нормой, но на хронологической шкале располагаются автором выше/позже других.

¹¹ И, видимо, анафорические контексты “identity of sense”.

¹² Как полагает рецензент, утрата склонения в болгарском и македонском языках имела место уже в XIII веке (Соболев 1991a, б), что можно увязывать с распространением влахо-болгарского двуязычия после падения Первого Болгарского царства (Черняк 1998).

¹³ По мнению Т. Шамрай, приводимому в книге, анафорическое местоимение подчеркивает особое отношение говорящего к референту – эмоциональное, ироничное или критическое. Автор полагает, что именно предназначенность поучительных текстов широкой

107–109, лит. *sûštijat*) в дамаскине (и в балканских языках, где реализуются три разных модели). На вопрос о правилах выбора в качестве маркера анафоры указательного местоимения или артикля Младенова ответа не находит; не помогает и сопоставление на с. 102–105 материала дамаскина с «романской моделью» демонстративов. Однако между положением дел в дамаскине и стандартном болгарском языке автор видит «континуитет» (с. 106).

«Процесс 2» затрагивает формирование экзофорической определенности, обильно представленной в дамаскине в 58,57% случаев от всех потенциально возможных (с. 109–110); в отличие от традиционной точки зрения, Младенова полагает это употребление в качестве необходимого и достаточного условия для объявления артикля полноценной грамматической категорией.

«Процесс 3» касается «атрибутивной функции артикля», определения которой в предшествующем тексте, к сожалению, так и не было дано. Речь идет о примерах типа *sina im, car konstantin, tvoeto imanie, vratata crkovnu* и др., т.е. об атрибутивных синтагмах (с. 111–131); устанавливается относительная хронология закрепления артикля в каждом подтипе (таблица на с. 130). Рецензенту осталось принципиально не ясно, почему атрибутивную функцию следует отрывать от анафорической и экзофорической.

Устанавливается, что совпадение узуса дамаскина с нормой в случае примеров типа *sina im* составляет практически 100%. Далее, в частности на с. 112–117, относительно подробно обсуждается непоследовательность употребления артикля в именных группах, вершиной которых является существительное со значением неотчуждаемой принадлежности (часть тела, термин родства); использованы диалектологические карты из архива М. Сл. Младенова, частично рекартографирующие данные Г. А. Цыхуна¹⁴ (ср. с материалами МДАБЯ 2005). К сожалению, ни в предыдущих, ни в последующих разделах нет контрастных сведений о поведении именно этих существительных при отсутствии при них краткой дативной формы местоимения. В этом разделе не обязательно соглашаться с автором в некоторых деталях, например, в постулировании некоторых стадий развития болгарского языка, исторически не засвидетельствованных, но возможных по типологическим соображениям. Можно также возражать против квалификации сочетаний терминов родства с дативными клитиками как определенных, а сочетаний их же с притяжательными местоимениями как неопределенных (с. 115).

Обзор определенности, базирующейся на идентифицируемости (с. 131–137), показал, что самая большая группа определенных артиклей в дамаскине принадлежит к категории индивидуализируемых референтов (определяемых анафорически, атрибутивно, экзофорически или комбинационно), что соответствует теоретическим предсказаниям Косеской-Тошевой, Гаргова и Лайонза.

(необразованной) публике, не понимавшей норм старого литературного языка, и вызвала «переизбыток демонстративов» в дамаскинах; другим фактором были «повышенная вербальность», стремление к эксплицитности и ясности дамаскинов, памятников не книжного, но разговорного стиля и т.д. (с. 100–101).

¹⁴ Карты позволяют предположить и реконструировать полексемную последовательность процесса.

Тем не менее, эта группа все же не полностью соответствует современному стандарту, вероятно вследствие ограничений, накладываемых морфологическими, лексическими классами или синтаксическими функциями. Приведем исключительно интересные данные Младеновой:

м.р. 12,5%, ж.р. 69,94%, ср.р. 69,91%, мн.ч. 68%;
 одуш. 13,38%, неодуш. 60,8%;
 подлежащее 26,61; сказуемое 20%, объект 51,39%, обстоятельство 51,97%.

Из этого следует, что когда ж.р., ср.р. и мн.ч. уже находятся на стадии III, м.р. все еще остается на стадии I; аналогично обстоит дело и с одушевленными именами. Итоговая хронология может быть представлена так: м.р. одуш. < ж.р. одуш. < неодуш. ед.ч. < мн.ч.¹⁵, что, как было показано еще в 1990-х гг., в обратной перспективе отражает иерархию сопротивляемости отдельных подуровней языка инновациям. За этими и аналогичными наблюдениями стоит убеждение, что «референты, нуждающиеся в индивидуализации в большей степени, первыми получают определенный артикль» (с. 134). Далее находим обсуждение пока открытого вопроса о связи между процессом становления категории определенности и процессом утраты именного склонения. Что касается синтаксических позиций, то в дамаскине отражен момент, когда «именные группы в позиции объекта и обстоятельства находятся в фазе III, именные группы в позиции субъекта на ранних ступенях фазы II, а предикативные именные группы где-то между фазой I и II», но это коррелирует с частотностью употребления имен определенных типов в отдельных синтаксических позициях (с. 136)¹⁶. В целом, Младенова не склонна видеть зависимость реализации определенности в болгарском от синтаксической позиции именной группы, как, например, в балканороманских языках (ср., однако, данные соответствующей карты МДАБЯ 2005, касающиеся опущения артикля в предельной именной группе в македонских и восточносербских диалектах и свидетельствующие о противоположном; ср. также некоторые формально-синтаксические правила, о которых говорит Младенова на с. 144).

Раздел 3.5 «От идентифицируемости к инклюзивности» (с. 137–146) открывается сообщением о том, что «ситуационные количественные» дескрипции (включающие все члены данного набора, релевантные для контекста) и «контекстуально уникальные референты» являют собой два полярных типа, между которыми больше общего нежели различий, основное из которых есть различное отношение к числу референтов. Следующие «процессы» формирования категории определенности в болгарском состоят в проникновении определенного артикля «в сферы генерических и уникальных референтов», в его распространении одновременно «в двух противоположных направлениях» (с.

¹⁵ Ср. наблюдения над иерархией грамматических категорий болгарского склонения Ст. Стойкова, а также некоторые работы начала 1990-х гг. (Соболев 1991а, б), где подобно рецензируемой работе Младеновой объединение историко-лингвистического и диалектологического подхода приводит к обнаружению тех же типологически релевантных закономерностей.

¹⁶ Так, более половины подлежащих в дамаскине – имена сущ. м.р. одушевленные.

138). Это общая тенденция развития от «обусловленного, временного и ситуационного» к «безусловному, постоянному и общему». На с. 139 впервые упоминается намерение автора представить в исследовании собственную трехмерную модель диахронии болгарского определенного артикля (более подробно она представлена на с. 245–246).

Отдельная глава посвящена «эмфатическому *sam*» (с. 139–146) в фокусированных высказываниях, включающих явное или скрытое сравнение. Есть контексты, в которых *sam* и *samijat* взаимозаменяемы, есть и прямо противоположные. Дамаскин имеет в своем инвентаре вызывающую особый интерес форму *samsi*, позволяющую автору обратиться к параллелям в неславянских балканских языках и установить «сходства и различия, заслуживающие дальнейшего внимания» (с. 146).

«Процесс 4» (с. 147–166) начинается с контекстов, в которых «противопоставление чтений, основывающихся на инклюзивности, и чтений, основывающихся на идентифицируемости, нейтрализовано»: *Toj izpi mljakoto* (в случае, когда стоявший на столе стакан молока был единственным молоком в доме). Артикль в таком случае «показывает, что утверждение верно для всех релевантных представителей набора» (с. 147). Примеры отсутствия артикля в языке дамаскина (*Orače imat obučaj*) говорят, по мнению Младеновой, о том, что «инкорпорация генерической количественной сферы» в категорию определенности еще не была завершена. Обсуждаются квантификаторы *vsički, cjal* (с. 151–157) и, в дискуссии с болгарской академической грамматикой, устанавливается различие в значениях форм типа *vsički* и *vsičkite* по линии противопоставления «количественно-индивидуализируемого» и «собственно количественного (инклюзивного и генерического)», которое, однако, стирается в болгарском литературном языке (с. 156). Материал дамаскина также не обнаруживает абсолютных противопоставлений, отличаясь, правда, от современного болгарского литературного языка тем, что в нем «формы ед. и мн.ч. трактуются одинаково» (с. 157). Не упоминается, к сожалению, в монографии тот факт, что уже в Добрейшевом евангелии XIII в. имеем пример (пред-?) артикля в именной группе с квантификатором *весь*. Изучены и иные кардинальные и пропорциональные квантификаторы, например, числительные типа *dva, oba* (с. 157–166). Установлено, что язык дамаскина трактует пропорциональные квантификаторы типа *i dvata* так же, как и современная норма (с. 158), но так же, как и в норме, различия между квантификаторами обоих типов размыты (с. 163). Обсуждаются и функции квантификатора *edinî* в дамаскине (с. 164–165).

«Процесс 5» (с. 166–168) есть распространение артикля на дистрибутив. Некоторой серьезной несогласованностью с общей авторской концепцией последовательности распространения категории определенности выглядит тот факт, что еще Г. Сване был установлен «ранний пример генерической именной группы в ед.ч. в Охридском апостоле 12 века» (с. 167).

«Обзор генеричности» предложен на с. 169–184 и начинается со статистического указания о лишь 36,84% случаев генерического употребления артикля в дамаскине по современной норме. Младенова различает «квантитативную» и «типизирующую» генеричность, каждую со своим значением и дистрибуцией,

но это разграничение не помогает, например, дифференцировать *Osa med sùbira li?* и *Osata med sùbira li?* (последнее просто объявляется Младеновой “a more common choice” (с. 170))¹⁷.

«Процесс 6» (с. 184–194) есть распространение артикля от контекстуально уникальных референтов на референты уникальные в абсолютном смысле, т.е. дейктически (*Gledaj kuklata kolko e xubava*). «Большинство ситуационно уникальных референтов в дамаскине представлены существительными немаркированной, безартиклевой серии, в то время как современные нормы требуют использования определенного артикля» (с. 187–188), надо полагать, и в примере (435) *i vidě o desna strana šěnka čiljaška*. Представлено употребление артикля при именах собственных в болгарских диалектах (с. 188–193) с общим выводом о том, что «болгарский язык даже сегодня отстает от остальных балканских языков» (с. 193); ср. соответствующие карты МДАБЯ 2005.

«Вне определенного артикля» (с. 194–196) находится сфера неидентифицируемости, включение которой в категорию определенности рассмотрено в разделе «Процесс 7» (с. 196–209). В дискуссии с болгарской грамматической традицией, Младенова демонстрирует функции болгарского *edin* в литературном языке и в дамаскине, но, к сожалению, обходит стороной его употребление в канонических старославянских памятниках. «Процесс 8: неинклюзивность» затрагивает нулевое маркирование неспецифических референтов, употребление *njakoj, edni ...* (с. 209–218). Следуют разделы о *koj(to) (i) da e, si, deto, što(to)* и др.

В целом, при ознакомлении рецензента с разделами о «процессах 1–8» у него создалось впечатление, что мы имеем дело с оригинальной и заслуживающей полного одобрения попыткой «развернуть» раздел болгарской академической грамматики о категории определенности в диахронию, используя материал Тихонравовского дамаскина в качестве контрольного, что напоминает предпринятую в конце прошлого века попытку развернуть ту же теорию в ареально-типологической балканской перспективе в проекте МДАБЯ.

«Диахроническая модель определенности» представлена в разделе 3.16 (с. 243–246). Обобщая, автор повторяет наблюдение о одновременности утраты склонения и формирования категории определенности, о предшествовании одних типов определенности другим, со следующей общей хронологией: «с X по XII век (определенность на основе идентифицируемости), до XVII века (определенность на основе инклюзивности и неопределенность на основе неидентифицируемости) и после XVII века (неопределенность на основе неинклюзивности)»; параллельно происходит формирование лексико-грамматических разрядов, перемещается граница между местоимениями и существительными. Наконец, предложена обещанная выше трехмерная модель диахронического изменения (долженствующая заменить двухмерные S-кривые и семантические карты типологов), изображенная и описанная на с. 246. На взгляд рецензента, модель визуализирует разрыв между категориями А, В, С и

¹⁷ Ср. соответствующие карты МДАБЯ, а также разделы монографий, посвященных грамматике обследованных в проекте славянских и неславянских диалектов Балкан.

всеми остальными, не давая ответа на вопрос ни о причинах и механизме *возникновения* артикля, ни о причинах и механизме *экспансии* категории определенности в сферу инклюзивности (у которой, оказывается, все же свои собственные исходные точки развития!).

Глава четвертая начинается с очень компактного, но богатого содержанием теоретического введения в текстологическую проблематику (с. 247–248), продолжается разделами «Текстологическая перспектива эволюции определенности в болгарском языке» на примере других дамаскинов с учетом противопоставления языка и речи (с. 248–275), «За пределами определенного артикля» (с. 276–278), «За пределами именных структур» (с. 276–282), «За пределами новоболгарских дамаскинов» (с. 283–292) и завершается обзором релевантных выводов (с. 292–296). Автором проделана огромная работа по критическому изучению определенности в таком количестве рукописей дамаскинов, которое совершенно достаточно для подтверждения его историко-лингвистических выводов¹⁸. Раздел хорошо структурирован и снабжен ясной и логичной системой внутренних отсылок, впечатляющими и убедительными статистическими таблицами по отдельным гомилиям, подробным обсуждением статистических и текстологических наблюдений. В итоге автор модифицирует свою теоретическую модель в плане переноса фокуса внимания «с противопоставления между грамматическими и аграмматичными способами выражения определенности на новую категорию лингвистических фактов – выражение определенности в ‘свободном’ варьировании» грамматически корректных, но стилистически различных средств (с. 293).

Глава пятая нацелена на получение более разносторонней картины эволюции категории определенности путем обращения к данным болгарских диалектов и фольклора. В первом разделе (с. 297–302) рассматриваются «Количественные и качественные измерения диалектного варьирования» определенности. В количественном плане речь идет о том, представляют ли диалекты (и язык фольклора) тот же уровень развития, что и литературный язык, или каждый из них находится на индивидуальной ступени развития. Последний случай иллюстрируется примером фольклорного текста из села Шишковци в районе Кюстендила (Западная Болгария), в котором отсутствуют ожидаемые нормой членные формы, а также указанием (еще Ю. Венелина!) на в общем «более умеренное» употребление артикля в западноболгарских диалектах, чем в восточноболгарских (с. 298). Интересно, что рекомендовавшееся еще в 1958 г. А. Теодоров-Баланом предложение *Predmeti za prexрана zanimavat naj-veče grižite na stopanin* воспринимается носителем современной болгарской нормы Младеновой как «абсолютно аграмматичное» (с. 298–299). Однако большинство отсылок к соответствующей диалектологической литературе (с. 299 и др.) указывает на западноболгарские «переходные» или, в нашей терминологии, *č, dž*-говоры (вроде Трынского), в диахронической и

¹⁸ Трудно, однако, безоговорочно принять авторскую статистику, особенно если учесть случаи, выглядящие как «регресс в употреблении артикля» вследствие ориентации переписчика дамаскина на узус антиграфа, что обсуждается автором, например, на с. 256.

генетической перспективе вместе с соседними сербскими составляющие часть западноюжнославянского языкового ареала (Соболев 1998). К этим говорам, как и к говору Ново Село в районе Видина, нужен более дифференцированный подход нежели тот, что, следуя болгарской диалектологической традиции, демонстрирует автор книги. То же касается и идиомов двух болгарских авторов, Й. Радичкова и А. Попова, уроженцев Монтаны и Софии соответственно. В любом случае, как полагает автор, именно Восточная Болгария была в истории болгарского языка центром иррадиации такой инновации, как определенный артикль; Г. А. Цыхун располагал этот центр в области рупских диалектов (с. 299).

Далее в разделах «Артикль, падеж и одушевленность» (с. 302–310) и «Артикль, род и число» (с. 317) подробно рассмотрено взаимодействие всех данных грамматических категорий. В первом представлены районы распространения таких формальных явлений, как «(А) существительные м.р. в генитиве-аккузативе или дативе ед.ч., (Б) числительные в генитиве-аккузативе, (В) существительные ж.р. в аккузативе ед.ч., (Г) существительные м. и ж.р. во мн.ч.» и их системные соответствия в дамаскине (с. 302). Функциональная сторона дела не рассматривается. Очень невелико здесь число также формальных явлений, заслуживающих краткого упоминания и интересных для дальнейшего исследования, но очевидно не представленных в узусе дамаскина и, соответственно, не обсуждаемых в работе Младеновой, вроде специфической формы определенного артикля прилагательных м.р. ед.ч. *dobriti* (vs. *dobrijăt*) в восточносербских диалектах (Соболев 1998) или известных родопских дативов ж.р. *kravetoxi*, *kravenoxi*. Второй раздел обсуждает родовое отношение (и, соответственно, оформление артиклем) славянских существительных типа *слуга*, *мысль* и собирательных существительных (ср. балканские параллели многим из обсуждаемых явлений в МДАБЯ 2005).

Глава 5.4 «Трехчленная артиклевая система: артикль и лицо» (с. 317–325), к сожалению, кратка и учитывает далеко не всю релевантную литературу вопроса. Но этому есть объективные причины, так как трехчленная система не характерна ни для дамаскинов, ни для современной болгарской нормы. В основе противопоставлений в таких системах предлагалось видеть и оппозиции внутри коммуникативной ситуации (говорящий, слушающий и «вне ситуации»), и оппозиции по признаку «близости» (с. 318, 325). «Первичной» в ходе исторического развития определенности Младенова считает «одночленную» систему, из которой развиваются региональные «тройные» (с. 319–320); оба мнения, как кажется, можно поддержать. Очень интересны рассуждения автора о причинах выбора *n*-артикля в качестве первичного в системах с тройными указательными местоимениями, но вызывает возражения безоговорочное подключение к анализу данных говора Ново Село под Видином. Дело в том, что говор Ново Село под Видином отнюдь не является смешанным, как совершенно ошибочно полагал описавший его М. Сл. Младенов, сам бывший

его носителем¹⁹; напротив, это классический переселенческий говор, типичный языковой оазис в инородном окружении. Этот говор несомненно генетически относится к западноюжнославянской языковой подгруппе (Соболев 1995), а носители его, изучая болгарский язык, фактически «учат новую систему общения» (М. Сл. Младенов), при том, что некоторые из них считают себя сербами (данные М. Радана, ср. мнение Г. Вейганда)²⁰. Некритическое повторение идеи Младенова о смешанном характере говора не позволило автору найти удовлетворительное объяснение тому замечательному факту, что «носитель новоселского говора никогда не употребляет членных форм» при существительных и что артикль имеется лишь при адъективных частях речи²¹. К сожалению, ускользнуло от внимания Младеновой и то, что мы имеем аналогичную ситуацию и в сербском говоре Свиницы, данные по которому (Томић 1984) обязательно следовало принять во внимание²².

Если судить лишь по данным вышеупомянутых диалектов, то **формирование грамматической категории определенности начинается с адъективных, а отнюдь не с субстантивных частей речи**²³. Этот факт еще лишь предстоит согласовать с предложенной автором общей моделью развития: говоря в терминах Младеновой, «процесс 3» может оказаться на самом деле инициальным, но категория, находящая механизм для своего выражения исключительно в адъективных частях речи, очевидно не может быть признана релевантной для имени вообще.

Следующий раздел (с. 326–339), посвященный маркированию определенности на прилагательных, вводит в обсуждение «полные, долгие формы» славянских адъективов. В центре внимания находится распределение полных и кратких форм в дамаскине на фоне обнаруженного М. Сл. Младеновым выражения категории определенности полной формой прилагательного в болгарских мизийских говорах. Вопросы распределения формирующегося артикля и полной формы прилагательного (которая «как маркер определенности» имела функцией указание на «рестриктивное прочтение соответству-

¹⁹ Признание ошибочности интерпретации М. Сл. Младеновым истории формирования его родного говора ни в коем случае не умаляет заслуг выдающегося болгарского диалектолога, так много сделавшего для нашей науки.

²⁰ М. Радан свидетельствует: на утверждение о том, что говор в Ново Село болгарский, „informatorul nostru a reacționat prompt, spunând că graiul lor nu este bulgăresc, ci sârbesc și că ei au venit aici din Serbia“.

²¹ “Maxim Mladenov argues that this state of affairs is a manifestation of the simplification of the morphological system caused by contact between dialects of different types. Such an outcome was only possible because the dialect contact took place at a time when the definite article had not yet become a full-fledged grammatical category in the Novo-Selo dialect” (p. 321).

²² Не говоря уже о том, что в книге следовало рассмотреть и категорию определенности в сербских призренско-тимокских говорах, частично с как раз тройной артиклевой системой. Но, возможно, автор, как и в случае с македонским языком, полагает свои выводы релевантными для всего балканославянского континуума (с. 344, сноска 1).

²³ Не отменяет этого факта и наличие в новоселском говоре неопределенных форм существительных типа *мѣста*.

ющей именной группы» (с. 338)) остаются, все же, открытыми. Но укажем еще раз на наше предположение, что категория определенности, выражаемая постпозитивным артиклем, могла зародиться как атрибутивная, что позволяет перекинуть более прямой «мостик» к мизийским полным формам и собственно славянским механизмам маркирования этой категории.

В итоге, оценивая значение диалектологического взгляда на проблематику (с. 339–343), автор справедливо утверждает, что ее ожидания были превзойдены и что от продолжения диалектологических разысканий и изучения диалектных явлений, не отражаемых болгарской нормой, можно ожидать детализации общей картины. Добавим, что при этом желательно было бы вывести функциональный, содержательный аспект дела из той глубокой тени, в которой он находится в традиционной диалектологии.

Глава шестая ставит вопрос о возможном воздействии балканского окружения на «внутреннюю болгарскую» эволюцию категории определенности, но отрицательный ответ на него нам уже известен. По мнению автора, высказываемому в разделе 6.1 (с. 344–348), имеется теоретическая возможность распространения определенного артикля из инновационного центра в Родопах, связываемая с болгарско-греческим билингвизмом; имеется и возможность зарождения артикля в Мизии, зоне болгарско-романского контакта. Дискуссия на эту тему ведется с большим количеством непроверяемых, иногда парадоксальных, но всегда интересных допущений, однако в целом ясно, что Младенова, будучи сторонником автохтонистской идеи, и не намеревалась предложить модель формирования болгарского артикля «шаг за шагом» в условиях балканского языкового контакта. Разделы 6.2 (с. 348–357) и 6.3 (с. 357–362) посвящены связям категории определенности и посессивности и возможности доосманского тюркского влияния на балканославянский, каковая возможность и допускается автором в пределах мизийского инновационного центра. В итоге каждый из центров внес свой вклад в общее дело: “The Moesian centre could impose the expansion of L(ong) F(orm) as an equal partner of the new definite article but the impulse coming from the Rupa centre led to the attachment of the definite article on L(ong) F(orm)” (с. 266).

Хотя **Заключение** на двух страницах суммирует уже известное нам, выделим, тем не менее, особо убеждение автора в том, что его исследование «вне всякого сомнения доказало континуитет между современными болгарскими и протославянскими маркерами открытой определенности» (с. 369).

Именно с этим выводом рецензент решительно не согласен. Сам механизм дискурсивного использования указательных местоимений в постпозиции известен севернорусскому (см. из новейших публикаций на эту тему Касаткина 2008), но русские диалектологи уже почти сорок лет назад высказались о такой частице *-то* совершенно однозначно: «Не окончательно еще развеяна иллюзия, будто в ряде севернорусских говоров она является не частицей, а членом» (В. И. Трубинский, цит. по Касаткина 2008). И в самом деле, ни одна из известных рецензенту теорий категории определенности не предусматривает ее выражения при личных местоимениях, наречиях, глаголах и предлогах: *Вот как мы-то работали, а сейчас-то легота. Лён вецерам всё трепали-то. Перед-то домом поиграйте.*

Но о книге в целом, не повторяя сделанных выше комментариев к отдельным главам и разделам, можно и должно сказать очень много хорошего. Большим ее достоинством является стремление к комплексному и интегральному изучению категории определенности, объединяющему ставшие в XX в. отдельными лингвистическими дисциплинами теорию языкознания, теоретическую грамматику болгарского литературного языка, историческую грамматику болгарского языка, диалектологию болгарского языка (с лингвогеографией). В целом, смелая и очень трудоемкая попытка совместить теоретически фундированное формальное и функциональное представление категории определенности в современном болгарском литературном языке с доступными анализу историческими данными по языку дамаскинов и с довольно разрозненными формальными сведениями по диалектологии хотя и выглядит пока еще в некоторых своих частях несколько эклектично, заслуживает самого прямого одобрения.

Детальность описания и качество анализа находятся на самом высоком уровне. Следует отметить как обилие, так и полную достоверность болгарских исторических, литературных и диалектных примеров, точность и тщательность исполнения глоссирования и переводов²⁴. Большим достоинством книги являются смелые и открытые указания на трудности анализа исторических примеров или интерпретации данных языкового чутья автора (как на с. 106). В отличие от некоторых наших современников, автор ни совершает насилия над «неудобным» для теории материалом, ни замалчивает его. Пользоваться формальными классификациями и их кодами, разработанными автором, достаточно удобно, но деятельность эта требует некоторого обучения и привыкания.

В труде, помимо определенности, затрагиваются многие центральные и периферийные темы балканистики вроде правил редупликаций объекта и отсутствия последних, состава местоименных систем и употребления местоименных единиц, системы квантификаторов, теоретические вопросы соотношения формо- и словообразования (с. 173–184), поведение существительного *человек* в генерических контекстах, поведение существительного *мать* при обозначении говорящим себя²⁵, вариативность типа *piene(to) na vino(to)*, двойное маркирование определенности и др. Не менее богат спектр и собственно «болгаристических» вопросов, таких как вариативность членных морфем в ед.ч. м.р., круг возможных переписчиков дамаскинов в Болгарии два века назад или вопросы локализации языка Тихонравовского дамаскина на лингвисти-

²⁴ К сожалению, в последнее время при чтении балканистической и славистической литературы приходится все больше обращать внимание и на эту сторону дела (см., например, работы Олги Томич).

²⁵ В албанском говоре села Мухурр «отмечены примеры обозначения говорящим себя (из соображений этического порядка) именем существительным-термином родства типа *nōn*, -а „мать“, которое может координироваться с формой глагола 1 л. ед.ч.: ... *'isba cuc n'ōna*, *po i ngjoj*, *i kam pas ngju: kto llafe*. (Z.R.) *Po s'e di n'ōna*, *s'e di un*, *s'e di n'ōna*, *mo t'thash*. (Z.R.), или с формой глагола 3 л. ед.ч.: *Po jo*, *mor gjal*, *se s'ka*, *nuk ka lugj'a't*, *ta t'hot n'ōna*. (Z.R.)» (Юллы, Соболев 2003: 104).

ческой карте. Следует приветствовать частые отсылки к аналогичным или параллельным явлениям в балканских языках, но их комплексный анализ остается пока делом будущего.

Автор, как и в предыдущих своих работах, демонстрирует прекрасное знание англоязычной, русской и болгарской научной литературы. Достоинством книги является попытка донести идеи, созревшие в болгарской (в том числе и сугубо традиционной) лингвистике, до публики, не читающей по-болгарски. Поскольку, однако, книга содержит новые интерпретации, свежие идеи, богатый материал и рефлексию автора о родном болгарском языке, постольку можно ожидать, что она вызовет дискуссионный интерес в Болгарии и других неанглоязычных странах. Рецензент с интересом ожидает как отклика болгарских лингвистов на монографию, так и ответа на вопрос, на каком языке будет вестись дискуссия о ней.

Переходя к общим критическим замечаниям и не повторяя высказанного выше по поводу отдельных глав и разделов, начнем с общего соображения о том, что никакой *новоболгарский* текст не может дать и не дает сведений о причинах и механизме *возникновения* определенной артикля в болгарском языке, как бы мы того ни желали. Невозможно на материале XVII века²⁶, демонстрирующем развитую категорию определенности и на основе идентифицируемости, и на основе инклюзивности (т.е. отражающего состояние языка в период, когда грамматическая категория определенности, выражаемая постпозитивным артиклем, уже сформировалась полностью), делать вывод о причинах и механизме зарождения категории в X веке; высказывания на эту тему, действительно, следует отложить на будущее.

Из частных упомянем несколько. Нет прямых доказательств того, что, грамматикализуя категорию определенности, балканославянские диалекты (болгарский, македонский языки и восточносербские диалекты) в течение хоть сколько-нибудь длительного времени представляли собой системы с *только* идентифицирующим артиклем, но есть, по всей видимости, противоположные данные Охридского апостола и Добрейшева евангелия. Как кажется, из наблюдения об опережающем роста количества случаев употребления артикля в одной категории перед другой (например, генерические перед уникальными, с. 263) все же еще нельзя делать вывода об их одновременном возникновении. Неясно, каким образом можно подсчитать соответствия узуса дамаскина современной болгарской норме (а не языковому чутью автора монографии) в тех случаях, когда сама болгарская норма вариативна в плане простого противопоставления наличия артикля его отсутствию. Кроме того, в качестве идеала сравнения может быть взята и норма современного литературного македонского языка, отличающаяся от болгарской как раз в сфере категории определенности, причем монография не дает сведений о функционировании тройных артиклевых систем, но предлагает гипотетическую модель их развития.

²⁶ "... our interest in this study has been with processes that took place since the seventeenth century" (p. 341).

Раздел о балканском контексте болгарской категории определенности не содержит фактически ни этого контекста, ни следов знакомства автора с релевантной литературой вопроса (например, работой Вокснi 1984), но предлагает критику таковой литературы в целом. Недочетом работы можно считать тот факт, что в ней фактически использована лишь литература до 2000 г. издания (хотя работа над книгой была завершена, как пишет автор на с. 1, в 2007 г.), а новейшая литература, прямо относящаяся к предмету исследования, не учтена. В результате запоздавшей во времени оказалась констатация, что “Further research should be based on fieldwork in the Rhodope dialects, the core of the Rupa dialect area” (с. 362–363) со ссылкой, в частности, на двухстраничные заметки М. Труммера. Непонятным образом из поля зрения автора выпали как широкодоступные современные монографии по родопским говорам (Жеремедчиева 1993), по македонским диалектам (Тополийска 1995)²⁷ так и специально посвященная категории определенности в родопских говорах интереснейшая монография Каневской-Николовой (2006). Отметим, что в первом томе грамматической серии МДАБЯ (2005) наглядно продемонстрированы сходства и различия в реализации категории определенности между наиболее репрезентативными диалектами балканских языков, как в формальном морфологическом и синтаксическом, так и в лексико-семантическом и функциональном плане, т.е. зоны тройных артиклевых систем, артикль в предложных конструкциях, артикль и имена собственные, артикль и термины родства, артикль и топонимы и мн. др. С другой стороны, несомненным достоинством является широкое использование теоретических построений и материала болгарской академической грамматики, материалов личного архива М. Сл. Младенова по болгарским диалектам и электронного корпуса болгарских разговорных текстов.

Опечаток вроде *difer* вм. *differ* (с. 44), *sûslîzi* вм. *sû slîzi* (с. 67), *dialecti* вм. *dialekti* (с. 438), а также пары в греческом тексте индекса (с. 472) очень и очень немного. Редки случаи, когда упомянутая в тексте работа отсутствует с списке использованной литературы (так, к сожалению, с *VELČEVA* 1963, на с. 299). За исключением репродукций и переработок карт Болгарского диалектологического атласа, чтение которых иногда возможно лишь с использованием оптических приборов, в полиграфическом отношении книга, как и положено дорогостоящему изданию Mouton de Gruyter, производит самое благоприятное впечатление.

Следует еще раз подчеркнуть редкую в наше время многоаспектность работы и высокий профессионализм автора во всех сферах лингвистической деятельности, от этимологии, текстологии, через историческую, теоретическую грамматику болгарского языка, диалектологию и лингвогеографию до общей типологии и корпусной лингвистики. И хотя некоторые части работы как раз в силу ее многоаспектности выглядят как экскурсы в сопредельную основную тему проблематику, необходимо отметить и релевантность всех этих

²⁷ Автор с полным правом и высоким профессионализмом оперирует материалом всех балканославянских диалектов, от Бобоштицы до Мизии, от Восточной Сербии до Родоп и Европейской Турции, не вводя в работу национально-политического измерения.

экскурсов для достижения авторской цели, и открывающуюся возможность «развернуть» их в самостоятельные исследования.

Итак, перед нами еще один обогащающий болгарское и балканское языкознание высокопрофессиональный интегральный труд Ольги Младеновой, ознакомление с которым доставит интеллектуальное удовольствие и принесет большую профессиональную пользу любому читателю, заинтересованному в глубоком понимании категории определенности новоболгарского языка. Книга должна войти в обязательный фонд любой болгаристической и балканистической библиотеки мира.

Литература

- Каневска-Николова, Елена (2006): Тройното членуване в родопските говори. Пловдив.
- Касаткина, Розалия Ф. (2008): Артикли, предартикли и псевдоартикли в славянских языках. Славянское языкознание. Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Москва. 305–321.
- Керемедчиева, Славка (1993): Говорът на Ропката (Родопска граматика). София.
- МДАБЯ 2005 = Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая. Категории имени существительного. München.
- Соболев, Андрей Н. (1991a): К истории утраты балканославянского склонения. Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Knj. XXXIV/2. Novi Sad. 7–41.
- Соболев, Андрей Н. (1991b): Категория падежа на периферии балканославянского ареала. Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Knj. XXXIV/1. Novi Sad. 93–139.
- Соболев, Андрей Н. (1995): О неким јужнословенским говорним оазама у источној Србији, западној Бугарској и Румунији (Вратарница, Ново село, Свиница). Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku. Knj. XXXVIII/2. Novi Sad. 183–207.
- Соболев, Андрей Н. (2001): Болгарский широколыкский говор. Marburg.
- Тополињска, Зузана (1995): Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Синтакса. Скопје.
- Томић, Миле (1984): Говор Свиничана. Српски дијалектолошки зборник. Књ. XXX. Београд. 7–265.
- Черняк, Александр Б.; Соболев, Андрей Н. (1998): Болгарский язык. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Часть 2. Славянские языки. St. Petersburg. 189–246.
- Юллы, Джеляль; Соболев, Андрей Н. (2003): Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр). München.
- ВОКСНИ, Besim (1984): Prapavendosja e nyjës në gjuhët ballkanike. Prishtinë.
- RADAN, Mihai N. (2000): Graiurile carașovene azi. Fonetica și fonologia. Timișoara.
- SOBOLEV, Andrej N. (1998): Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bde I–III. Marburg.